

З.Е. Кабульдинов

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана (E-mail: Kabulzia@rambler.ru)

Положение казахов на Правобережье Иртыша (до создания Семипалатинского внутреннего округа в 1854 г.)

В статье показано положение казахов правого берега Иртыша до создания Семипалатинского внутреннего округа. Используются различные источники, в том числе архивные. Рассмотрены вопросы состояния хозяйства правобережных казахов Иртыша. Приведены интересные сведения, собранные Трофимовым, которые характеризуют социально-правовое положение казахского населения на территории Томской губернии — все, что, вне всякого сомнения, не могло не повлиять на формирование специфики демографических и хозяйственных особенностей их жизнедеятельности. Отмечено, что в своих секретных донесениях генерал-губернатору Западной Сибири Трофимов также подробно описывает быт внутренних казахов и приходит к закономерному выводу, что со стороны казахского населения чувствуется стремление к переходу к оседлому образу жизни.

Ключевые слова: положение казахов на Правобережье Иртыша, Семипалатинский внутренний округ, социально-правовое положение казахского населения, Томская губерния, внутреннее положение казахов, киргиз-кайсак, крестьянское население.

Как известно, верноподданные казахи, допущенные царизмом официально на «вечную кочевку» на Правобережье Иртыша еще в конце XVIII в., не имели ясного и понятного для них и окружавшего их крестьянского и линейного населения представления о своем правовом положении и правилах своего пребывания на внутренней стороне Иртышской пограничной линии.

Даже «Устав о сибирских киргизах» от 1822 г. однозначно не разъяснял порядок пребывания их на территории сопредельных со Средним жузом внутренних округов Тобольской и Томской губерний [1; 399–428].

Каждая попытка определения ими своих «прав и обязанностей» приводила к многочисленным длительным перепискам различных ведомств, и, как результат, они (права и обязанности верноподданных казахов. — З.К.) были «распылены» по многочисленным юридическим документам, напрямую не связанным с определением их социально-правового статуса.

В этих условиях казахи становились объектом произвола как со стороны чиновников Алтайского горного округа, так и крестьянского начальства и, в особенности, военно-казацкого населения Иртышской линии. Видимо, царизм сознательно избегал подведения законодательной базы под вопрос о верноподданных казахах, опасаясь, что она впоследствии может навредить царизму, так как свободные земли Томской губернии были предназначены в будущем для переселения туда крестьян из европейской части России. Об этом, например, открыто писали в 1897 г. собиратели материалов по казахскому землепользованию в Павлодарском уезде Семипалатинской области: «...в первой половине XIX века кочевья киргиз расположились настолько широко, что доходили до Оби. Нахлынувшая с севера волна русской колонизации в лице крестьян откинула киргиз снова на юг. Для последних оказалась непосильной борьба с новыми пришельцами — за них стояла более «высокая культура» и Управление Алтайского горного округа, которое не раз применяло принудительные меры по отношению к киргизам, когда они не хотели добровольно уступать своих земель под поселения крестьян...» [2].

Но в то же время насильственным образом выселить кочующих «с давнего времени» казахов не всегда представлялось возможным. С одной стороны, они имели официальное разрешение на кочевание во внутренних округах Томской губернии еще с конца XVIII в., с другой — находили разные способы избежать насильственных выселений. Постоянные жалобы казахов и крестьян внутренних округов на отдельных представителей официальных властей региона вызвали у Главного управления Западной Сибири необходимость командирования на территорию Томской губернии чиновника по особым поручениям Трофимова, который начал свою работу 30 июня 1839 г. Проехав линию до Ямышевской крепости, Трофимов отмечает, что «народ этот кочует не только в глуби линии в разных направлениях на расстоянии 300 и более верст, даже за Чанами и за Нарымом, но и при самих станциях, где волостные начальства не имеют никакой власти» [3; 192]. В данном случае для нас большой интерес представляют сведения, собранные Трофимовым, характеризующие социально-правовое положение казахского населения на территории Томской губернии, которое, вне всякого сомнения, не

могло не повлиять на формирование специфики демографических и хозяйственных особенностей их жизнедеятельности.

Вот что писал Трофимов, например, о взаимоотношении казахского и казачьего населения в своей секретной «Записке о злоупотреблении по Управлению кочующими внутри линии киргизами»: «...спускаясь из Усть-Каменогорска вниз по линии и достигнув левого фланга 7 казачьего полка, с самого первого редута начал я получать громкие жалобы верноподданных киргиз на то, что все удобные места на пространстве, принадлежащем станицам, казаки ежегодно разделяют между собой, потом оставшиеся у каждого от своего хозяйства до половины уступают им за годовую денежную плату, взимают за десятину под пашню выродившейся уже полосы от 3-х до 5 рублей, а зановину или залог под 7 и 8 рублей и за участок покоса на 150 и 200 копен от 20 до 50 рублей. Кроме того, некоторые командующие редутами требуют с них плату даже за места под юртами...» [3; 353–353 об].

И это несмотря на то, что в «Уставе о сибирских киргизах» от 1822 г. не было положений о том, что за пользование станичными землями кочующие здесь казахи должны были нести какие-то денежные расходы [1; 399–428]. Это не может не свидетельствовать о существовании казачьего произвола по отношению к автохтонным жителям Западной Сибири.

А казаки, пользуясь отсутствием четкой регламентации по порядку пользования их соседями прииртышских земель, изошрялись в своих незаконных действиях. Например, в редутах Талицком и Озерном казаки «до того дерзки в притязании к киргизам, что изобрели пошлину в виде таможенной даже с вещей собственного их изделия, как-то кошем, кож и прочие, произвольно именуя оные заграничными...» [3; 353 об.].

Естественно, в условиях невыносимого положения на казачьих землях большая часть казахов была вынуждена искать лучшего «приюта» у крестьян Томской губернии. Тем более, что крестьяне, имея потребность в работниках и пастухах, сами приглашали казахов на постоянные и сезонные работы, сбавляя арендную плату за пашни и покосы чуть ли не вдвое, чем это было установлено казаками. Кроме того, при инспекции оказалось, что крестьяне «умоляют отменить» частые решения о выселении казахского населения и «дозволить им держать их на своих землях беспрепятственно, объясняя, что они (казахи. — З.К.) суть единственный здесь способный к работам класс людей и без них хозяйство крестьян в конце разорится в короткое время» [3; 361 об.]. Конечно, это обстоятельство не могло не насторожить казаков, которых ни в коей мере не устраивало подобное «перетягивание» казахов крестьянами.

В этих условиях казаки, опасаясь остаться без доходов, находили более изощренные методы выколачивания денег из казахов. Например, они отпускали казахов лишь в том случае, если они выплачивали казачьим обществам денежные суммы в размере от 1 до 5 рублей с юрты. Зачастую казаки заставляли степняков приобретать и билеты за право откочевать в районы крестьянских селений [3; 355 об.]. Ремонтной пошлиной и многочисленными незаконными поборами они уже не удовлетворялись, «находя» более «законные» способы изъятия денег с бесправных казахов.

Ухищрения казаков доходили до того, что они «доставали» даже тех казахов, которые с давнего времени кочевали при деревнях [3; 353 об.]. Так, например, в 1839 г. командующему Озерной станицей уряднику Петру Вяткину казахи, кочующие при деревне Жерновке в количестве 15 юрт, заплатили 100 рублей, при деревне Бородулихе (7 юрт) — 30 рублей, при урочище Ремках (22 юрты) — по 1 рублю с каждого хозяйства [3,353 об.-354].

Казаки, пользуясь тем, что Горное начальство периодически выносило изначально невыполнимое решение об очередном выселении казахов, и здесь смогли извлечь для себя материальную выгоду. Например, только за одно лето они три раза отправлялись на земли Горного ведомства и насильно «пытались» выселить казахов за Иртышскую линию. Естественно, в подобной ситуации казаки оказывались в более выгодном положении, потому что с казахов они «выбивали» деньги за право быть невыселенными, а с крестьян — за право использовать относительно дешевый труд казахов. Кроме того, при обходе казахских аулов и казачьих станиц выявилось, что казачьи урядники берут деньги, якобы, «не для себя собственно, а представляют их полковому своему командиру есаулу Потанину» [3; 355].

Не успев оправиться от притязаний казаков, казахи и крестьяне становились объектом вымогательства со стороны земских управителей и даже писарей. Трофимов по этому поводу отмечает, что «те и другие, по крайней мере, два раза в лето настаивают у крестьян, чтобы киргиз на своих землях не держали, склоняемы же подарками на снисхождение (подарки большей частью денежные)... их сходит в год с каждой деревни, собственно за киргиз до 150 рублей» [3; 354об.].

Так, волостной писарь Мазин с кочующих при заводе и деревне Половинкиной казахов получил 10 рублей, а за «недополученные по его назначению 40 рублей оставил у себя два бухарских халата» [3; 356]. Или же земский управитель Зубарев с каждой деревни незаконно получал от 100 до 150 рублей. Кстати, по словам крестьян, Зубарев и Мазин характеризовались крайне негативно и не пользовались авторитетом у местного крестьянского населения [3; 356].

Существующие арендные платежи за пользование землями еще более усугубляли положение казахского населения Томской губернии. Вот как об этом пишет в своем секретном донесении Трофимов: «...кочующие по линии ниже Семипалатинска до форпоста Черемуховского и вправо от урочища Бельгаач, имеющие значительные табуны, нанимают пастбищные места у Приставов Камышинского и Коростелевского лесосеков-урядников Еремина и Вандакурова, подведомственных Локтевской заводской конторе, усвоивших своему Управлению все места на степях Бельгаачской и Шульбинской до Змеевского лесосека и на Узкой степи от Ляпунова озера и сопредельного с ним Гатского бору до урочища Биш-Карагая. Эти два лица, как бы нарочито выбраны из целого заводского ведомства, чтобы обирать киргиз без всякой жалости. За право кочевать и зимовать на степях, ничем заводскими не занимаемых и посолоненному качеству земли ни на что более, кроме пастбищ, неудобных, они вынуждаются платить Еремину и Вандакурову ежегодно деньгами, лучшими лошадьми, быками, баранами, овчинами, кошмами и бухарскими халатами... в год с каждого кочующего там аула сходит вдвое, а иногда и более взысканного на линии с неверноподданных киргиз годового ремонта...» [3; 356 об.].

По мнению Трофимова, не совсем законным был и сам порядок сбора с казахов той же ремонтной пошлины: «... судя по причине учреждения этой пошлины и по здравому рассудку, она праведно может взиматься в пользу казачьего войска только тогда, когда платящие ее занимают земли, принадлежащие собственно войску, напротив, казаки, постепенно оттеснив большую часть этих киргиз с линии на земли казенные и крестьянские и удаляя туда же вновь перепускаемых из Иртыша, собирают пошлину вообще с неприсягавших на подданство России, где бы они и как бы давно внутри линии ни кочевали...» [3; 377–377 об.]. В существующих условиях он предлагал вносить суммы, вырученные от ремонтной пошлины в пользу только государственного казначейства [3; 337 об.].

В своих секретных донесениях генерал-губернатору Западной Сибири Трофимов также подробно описывает быт внутренних казахов и приходит к закономерному выводу о том, что со стороны казахского населения чувствуется стремление к переходу к оседлому образу жизни. Об этом свидетельствовало занятие казахами Томской губернии такими ремеслами, характерными для оседлого населения, как портное, сапожное, кузнечное, плотничное, возделывание кож, прядильное, ткацкое и, в особенности, заготовка сена и земледелие, и, что вполне возможно, казахи были знакомы со всем этим «не менее русских». Кроме того, казахи строили деревянные дома и даже завели на реке мукомольную мельницу [3; 360]. Стесненные со всех сторон переселенческим крестьянством, по словам Трофимова, «не имея ни вершка земли в произвольном своем распоряжении, они не смеют даже кола вбить для прочной оседлости и потому сами по себе не могут предпринять ничего к улучшению своего быта...» [3; 360]. Нельзя не согласиться с беспристрастностью этого человека в оценке этих и других фактов бедственного социально-правового положения казахского населения, отмечавшего, что «...эти бедные люди (казахи. — З.К.), неукоснительно именуясь верноподданными России, не имеют места, где бы безболезненно могли провести не только лето, но даже и зиму, а должны прятаться со скотом, с юртами, как зайцы, в логах и в оврагах...» [3; 355].

Конечно, в этих условиях немислимо было говорить о переходе казахов к оседло-земледельческому образу жизни. В этой связи не выдерживает никакой критики избитый тезис советских ученых о том, что в местах контакта оседло-земледельческого крестьянского населения со скотоводческим казахским существует некое «благоприятное воздействие» первых на вторых, в результате которого последние, якобы, повсеместно переходили на более «прогрессивный» оседло-земледельческий образ жизни. Да, нельзя отрицать тот факт, что предпосылки к этому переходу были — больше всего нормальных, взаимовыгодных хозяйственных контактов у казахов складывалось с простым крестьянским населением. Но неопределенность социально-правового положения казахов на Правобережье Иртыша не оставила никаких шансов для более тесного хозяйственного сближения переселенческого русского и автохтонного казахского населения.

Особого внимания заслуживает и обострившаяся к 30-м годам XIX в. проблема разрешения исковых дел линейными властями. Как выявил Трофимов, линейное начальство, усвоив право разбирать их между собой и не зная твердо степных законов и обычаев, «решает распри и требует с них

иски, поступающие от русских претензии, против всякого убеждения и справедливости, для чего вызывает к себе киргиз самовластно, без ведения их старшин и биев и держат по несколько дней в форпостах под арестом, а иногда наказывают их телесно, не давая знать старшинам, за что именно страшат своею властью даже самих старшин и биев... по жалобам киргиз на русских никаких удовлетворений иска не делают, да по ничтожности действенной их власти и сделать не в состоянии...» [3; 355].

Неопределенность социально-правового статуса внутренних казахов прежде всего негативно отразилась на попытках решения ими судебных исков, возникавших при взаимоотношении с оседло-земледельческим русским населением. По словам М.Красовского, казахи, «кочуя по близости от крестьянских и казачьих селений, необходимо сталкивались с поселенцами довольно часто; их тянуло на расправу в земские суды Омского, Колыванского, Барнаульского и Бийского уездов, несмотря на то, что они этим судам не были подчинены никакими правительственными постановлениями; тормошило их и казачье начальство, не оставляло в покое и горное. Словом, был полнейший беспорядок в этой части степи...» [2, 4].

К середине XIX в., несмотря на свою внутреннюю необустроенность, казахи западносибирского края в хозяйственном отношении достигли определенных результатов. Основным их занятием было скотоводство. Вот как об этом пишет один из командиров 6-го казачьего полка сотник Махонин в своем рапорте на имя генерала Броневского от 24 января 1827 г.: «на дистанции вверенного мне полка о верноподданных киргизцах известно, что они хлебопашества не имеют, да и прежде никогда не начинали онаго по причине бесплодной здесь земли...» [5].

А в начале 30-х годов XIX в. уже сам С.Б.Броневский также констатировал, что «...некоторые сверх скотоводства занимаются хлебопашеством, это невольно ведет их к оседлой жизни...но благодетельное сие действие оказывает еще слабые успехи...» [6; 181].

Об этом же применительно к середине XIX в. пишет и Гагемейстер: «...все киргизы (внутренние. — З.К.) ведут образ жизни кочевой и делаются оседлыми только по крайней нужде...». Он же отмечает, что в это время среди западносибирских казахов были очень крупные скотовладельцы: «...самые многочисленные табуны, вероятно, у киргизов, где у одного хозяина насчитывалось до 10000 лошадей...» [7].

Наиболее высшим «пиком» развития скотоводства у верноподданных казахов является, пожалуй, 1832 г. В это время, согласно сведениям, собранным заседателем Семипалатинского земского суда Усовым, у 2036 казахских хозяйств (4275 человек мужского пола) заводского ведомства (Томской губернии) насчитывалось 54054 головы лошадей, 14313 — крупного рогатого скота и 68879 — мелкого [3; 40]. В среднем на одну мужскую душу приходилось 12,7 головы лошадей, 3,4 — крупного рогатого скота, мелкого — 16,1. Интересны подобные сведения применительно к 1840 г. о размерах скотоводства у казахов Тобольской и Томской губернии.

В Курганском, Ишимском и Омском округах Тобольской губернии у 19766 казахов обоего пола (в том числе 10229 — мужского) насчитывалось 55797 голов лошадей, 1365 — верблюдов, 20328 — крупного рогатого скота и 81325 — овец, когда в среднем на «мужскую полу душу» приходилось: лошадей — 5, верблюдов — 1/8, рогатого скота — 2 и овец — 8.

В то же время в Бийском, Барнаульском и Колывановском округах Томской губернии у 31543 казахов обоего пола (в том числе 16415 — мужского) было в наличии 129726 голов лошадей, 2160 — верблюдов, 45748 — крупного рогатого скота и 179479 — овец. Если здесь разделить общее количество разного скота на число мужских душ, то мы получим цифры, несколько отличающиеся от показателей Тобольской губернии: лошадей — 8, верблюдов — 1/8, крупного рогатого скота — 3, овец — 11.

Как видим, если по верблюдам заметной разницы между томскими и тобольскими казаками почти не чувствуется, то лошадей казахи Томской губернии имели на одну мужскую душу в 1,6 раза, крупного рогатого скота — в 1,5 раза и овец — почти в 1,4 раза больше, чем их соплеменники из Тобольской губернии. На наш взгляд, это объясняется следующими причинами. Во-первых, казахи Томской губернии — это преимущественно те, которые были официально допущены царизмом на «вечную кочевку» еще в 1788 г., т.е. они имели некоторую правовую базу своего пребывания, хотя в отсутствие своего управления и у них проблем было также достаточно. Во-вторых, на Новоишимской стороне, в том числе и во внутренних округах — Курганском и Ишимском — Тобольской губернии долгое время не утихала борьба казахов за возврат своих исконных земель, вылившаяся к середине XIX в. в организованное конокрадство со стороны временно пребывавших здесь казахов. И,

следовательно, в этой обстановке нельзя было говорить о нормальном развитии скотоводческого хозяйства тобольских казахов.

В то же время нетрудно заметить, что, по сравнению с данными за 1832 г., у томских казахов наблюдается некоторое уменьшение поголовья скота в расчете на одну мужскую душу: лошадей — на 4,7 головы, крупного рогатого скота — на 0,4 и мелкого — на 5,1. На наш взгляд, эту тенденцию можно объяснить рядом причин. Во-первых, с начала 30-х годов XIX в. поднялся вопрос о необходимости выселения казахов из района заводского ведомства, и царизм начал принимать конкретные меры к разрешению этой проблемы. Во-вторых, постепенный рост населения Алтайского горного округа оставлял для казахов мало мест для развития скотоводческого хозяйства, т.е. последние оказались с двух сторон зажатыми в плотных тисках крестьянско-казачьего земледельческого населения. И, наконец, отсутствие у верноподданных казахов своего отдельного управления не могло не привести к довольно-таки шаткому положению большинства хозяйств.

Если сравнить общее поголовье скота у казахов, скажем, Тобольской губернии с крестьянским, то, по данным Гагемейстера (за 1840 г. — К.З.), «у крестьян Курганского и Ишимского округов считается лошадей и рогатого скота на душу от 10–15 и у достаточных нередко встречается до 40 коров, 50–70 лошадей и 100 овец» [7; 292,293].

Автор подобное состояние объясняет тем, что «скотина в руках у поселянина имеет большее значение, чем у кочующего, потому что она лучше содержится и дает большой доход» [7;293,294].

Здесь, конечно, автор полностью умолчал о двух вещах: что по отношению к казахскому населению царское правительство использовало политику насильственного выселения из Новошимского района и что крестьянское население в земельном и административном отношении было все же обустроено. Некоторое развитие скотоводства у внутренних казахов применительно к периоду до середины XIX в., несмотря на постепенный его спад, мы объясняем следующим.

Во-первых, внутренние казахи, несмотря на свою административно-земельную необустроенность, за более чем 60 лет своего пребывания не платили никаких податей и не несли повинностей государству.

Во-вторых, они, рано вступив в контакт с оседло-земледельческим русским населением, не были уже обременены неэквивалентным обменом, каковым страдали казахи внешних казахских округов. В частности, они первые контактировали с покупателями животноводческой продукции напрямую, без посредников, на многочисленных крестьянских ярмарках и торжках.

В-третьих, внутренние казахи, в силу своей земельной необустроенности, были вынуждены больший акцент делать в сторону развития скотоводства, сильно не отвлекаясь на ведение земледельческого хозяйства.

К тому же на лесостепных просторах Западной Сибири, вплоть до середины XIX в., особенно в приграничных с казахской степью российских округах, они были чуть ли не единственным скотоводческим населением. А массовый приток крестьянских переселенцев приходится все-таки на более позднее время.

Вместе с тем нельзя забывать, что, по словам Ч.Ч.Валиханова, «отрасль скотоводства процветает только в тех округах, которые имеют наиболее мест, удобных для зимних стойбищ», где внутренний Семипалатинский округ (все Правобережье Иртыша, сопредельное со Средним казахским жузом. — К.З.) считался не исключением, «покрытый сплошными лесами и тучными лугами» [8]. Среди них были нередки состоятельные скотоводы, которые в своих табунах имели по несколько тысяч голов лошадей. Например, по словам Радлова, у известного бая Майкы было 1000 лошадей, 1500 овец и 200 коров. И это не было пределом. У Тюйте Нурекенова и его братьев было одних только лошадей 7000 голов [9].

Но в будущем, как мы отметили, надо было ожидать уменьшения количества скота у верноподданных казахов, так как то положение, в котором они находились, не могло не привести их скотоводческие хозяйства к некоторому расстройству. Действительно, уже в 1852 г. у 18 985 верноподданных казахов обоего пола (в том числе 9751 лица мужского пола) насчитывалось 52283 головы лошадей, 17692 — крупного рогатого скота, 95329 — овец и 617 — верблюдов. В среднем на одну мужскую душу приходилось: лошадей — 5,4 головы, коров — 2,4, верблюдов — 0,06, овец — 9,8 головы. Как видим, сведения за 1852 г. уже несопоставимы с данными Гагемейстера на конец 30-х годов XIX в.: заметное уменьшение налицо, даже по верблюдам (за них, традиционно, налог не взимался) [10].

Тенденцию по дальнейшему ухудшению состояния скотоводческого хозяйства казахов внутренней стороны мы объясняем, в первую очередь, отсутствием у них своего управления на протяжении

почти 66 лет, что не могло не сыграть своей негативной роли: они становились объектом произвола разных ведомств [11].

Во-вторых, нельзя не брать в расчет и то обстоятельство, что приписка казахов к внешним округам начиная с 1849 г., с последующим взиманием ясака, не могла не сыграть также своей отрицательной роли. Видимо, казахи старались избавляться от большого поголовья скота, чтобы не платить большой налог [12].

В-третьих, казахи начали активно переводиться на арендные условия, что само по себе не могло не ударить, причем сильно, по их скотоводческому хозяйству, не говоря уже о земледелии [13].

И, наконец, с 40-х годов этого века царизм, обвиняя казахов в конокрадстве и грабежах крестьянского населения, начинает череду непрерывных выселений их на территорию внешних округов.

На внутренней стороне для казахов не было создано и нормальных условий для развития торговли. Известно, что в начале XIX в. казахи пытались создать для себя некоторые торговые льготы и привилегии, но царизм на это не пошел, так как предвидел здесь «важный вред пограничной торговли, которую прибрать в свои руки есть главная их (казахов. — З.К.) цель» [14; 29об.]. Поэтому не случайно, что даже применительно к 1840 г. на Правобережье Иртыша, где было сосредоточено значительное число внутренних казахов, мы не видим широкого распространения среди них торговли. В это время «торгом занимаются из этих киргиз только двое, кипчакского рода Сасык и Басар Джанкпаевы, ежегодно выменивающие в Ирбитской ярмарке на скот, сало и кожи азиатских товаров на 15 тысяч рублей и более» [3; 379об.].

Несмотря на постепенную тенденцию ухудшения социально-правового и хозяйственного положения верноподданных казахов, нельзя не заметить, что в это же время несколько выросла их численность. Так, по данным С.Б.Броневого, к началу 30-х годов XIX в. верноподданных казахов насчитывалось около 12 тысяч человек [6; 180–182].

В 1852 г. их на Правобережье Иртыша уже было 18985 человек, не считая тех, которые кочевали на территории Тобольской губернии [10; 259]. Хотя, по данным же Идарова, к 1854 г. верноподданных казахов к самому началу образования Семипалатинского внутреннего округа Семипалатинской области уже насчитывалось 16000 человек. Как видим, некоторый спад численности казахов налицо [15].

Уменьшение численности внутренних казахов мы склонны объяснить следующими причинами: во-первых, в 1849 г. произошло насильственное причисление их во внешние степные округа, что не могло не привести к некоторому оттоку казахов за пределы Правобережья Иртыша; во-вторых, начало 50-х годов XIX в. ознаменовалось массовым насильственным выселением их на почве традиционного обвинения казахов в конокрадстве.

В то же время численность городского населения, наоборот, росла, правда незначительными темпами. Например, в одном из самых крупных городов Западной Сибири — Омске в 1823 г. числилось всего лишь 22 казаха-горожанина, в 1840 г. — 109, в 1847 г. — 117. Не надо забывать, что среди этих городских жителей было немало лиц, обучавшихся в местных учебных заведениях [16].

Как известно, принятие христианской веры большинство казахов использовало как способ «законного перехода» на внутреннюю сторону в условиях многочисленных запретов к перекочевке. Но все же появления на жилой стороне значительного числа крещеных казахов царизму добиться не удалось. Например, по итогам 9-й ревизии в 1851 г., на территории одной только Тобольской губернии насчитывалось всего лишь 50 крещеных казахов, компактно проживавших на территории Каинского округа [10; 142]. Или же по Томской губернии: по этой же переписи среди категории мещан, куда особенно стремились казахи, всего числилось 12 крещеных степняков [10].

Итак, отсутствие у казахов Томской губернии своего управления, установленных прав и обязанностей, мест постоянного проживания, выработанного механизма разрешения конфликтов с оседло-земледельческим населением приводило к многочисленным нарушениям их прав, ухудшению социально-экономического положения. Казачьи урядники, крестьянское начальство, а также чиновники Алтайского горного округа, пользуясь создавшейся у казахов социально-правовой незащищенностью, по отношению к последним творили многочисленные бесчинства и произвол. В некоторой степени от произвола казахов и своего начальства за право привлекать казахов на различные хозяйственные работы страдало и простое крестьянское население.

References

- 1 Levshin A.I. Description Kirghiz Cossacks, or Kirghiz hordes Kaisak and steppes. — Almaty: Sanath, 1996. — 656 p.

- 2 MKZ. Semipalatinsk region. 4. Pavlodar district. — Voronezh, 1903. — Vol. 11. — 471 p. (49).
- 3 SAOR. — F. 3. — I. 1. — F. 1112. — P. 59.
- 4 *Krasovsky M.* Field Siberian Kirghiz. — St. Petersburg, 1868. — P. 3. — 278 p. (108–109).
- 5 *Makhonin.* State and loyalists Kyrgyz economy in Omsk // Agrarian magazine. — № XIX. — Moscow, 1827. — P. 163. (5).
- 6 *Bronevsky.* About Kirghiz kaysakah Middle Horde // Domestic notes. — St. Petersburg, 1830. — № 121. — P. 194. (180).
- 7 *Hagemeister.* Statistical review of Siberia. — P.2. (285). — St. Petersburg: Second Printing Branch of His Imperial Majesty's Chancellery, 1854. — 101 p.
- 8 *Valikhanov Ch.* Works in five volumes. — Vol.1. — Alma-Ata: Kazakh Academy of Sciences Publishing House, 1961. — 777 p. (533).
- 9 *Radlov V.V.* From Siberia. Diary pages. — Moscow: Nauka, 1989. — 479 p. (71).
- 10 *Koeppe P.* Ninth Revision. The study on the number of people in Russia in 1851. — St. Petersburg, 1857. — 297 p. (259).
- 11 *Kabuldinov Z.Ye.* Social and legal status of the Kazakh population in the Tomsk Region (the first half of XIX century) // Poisc. — 1999. — P.85–89. (89).
- 12 *Kabuldinov Z.Ye.* Creating internal Semipalatinsk region in the Tomsk province, especially its management // Poisc. — 2000. — P.198–203. (199).
- 13 *Kabuldinov Z.E.* Kazakh population in the Tomsk province in the 80s of XIX – early XX centuries // International scientific conference «Kazakhstan on the way to the state independence: Past and Present». — Families, 2001. — Vol. 2. — 480. (65).
- 14 CSHA. — F. 1286. — I. 2. — F. 148. — P. 5.
- 15 *Idarov C.A.* Siberian Kirghiz steppe and the newly established department in it Semipalatinsk region // Journal of the Interior Ministry. — St. Petersburg, 1854. — Vol. 7. — P. 2–54. (7–8).
- 16 *Akhmetov S.K.* The processes of formation of the Kazakh population of Omsk the mid XVIII — until the end of XIX century // Read Valihanovskie - 6. International scientific-practical conference dedicated to the 10th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan. — Kokshetau, 2001. — Vol.1. — 403 p. (121–123). — P. 625.

З.Е.Қабұлдинов

Ертістің Оң жағасындағы қазақтардың жағдайы (1854 ж. Семей ішкі округі құрылғанға дейін)

Мақалада Семей ішкі округі құрылғанға дейінгі Ертістің Оң жағасындағы қазақтардың жағдайы зерттелді. Еңбек жазба және мұрағат деректер негізінде жазылған. Ертістің Оң жағалауындағы қазақтардың жағдайы мен шаруашылығы мәселелері қарастырылып, әлеуметтік-құқықтық жағдайы сипатталды. Сондай-ақ демографиялық және шаруашылықтық ерекшеліктер спецификасы қалыптасуына әсер ететін Том губерниясы аумағындағы қазақ халқының Трофимов жинаған қызықты дереккөздер мен мәліметтер берілді.

Z.E.Kabuldinov

The situation of the right bank of the Irtysh Kazakhs (before the creation of an internal region of Semipalatinsk in 1854)

In this article the author examines the situation of the right bank of the Irtysh Kazakhs before the creation of an internal region of Semipalatinsk. The work is based on written and archival sources. In this article is actualized problems of the status and economy of right bank of the Irtysh Kazakhs, also is provided interesting sources, the information collected by Trofimov, which characterize the social and legal status of the Kazakh population in the territory of Tomsk province, which, no doubt, could not but affect the formation of specific demographic and economic features of their life.